

Недавно герцог испытал унижение, когда его внезапно поймали и насильно выкупали, но...

Тем не менее, время, проведённое с советником во время патрулирования, было самой приятной частью дня. Даже несмотря на то, что маршрут патрулирования был одним и тем же каждый день, возможность встретиться с советником делала его шаги немного легче.

Но...

Почему он вдруг не появился?

Обычно советник приходил на место их встречи раньше герцога и ждал его.

Обладая острым чутьём, герцог мог издали уловить присутствие советника. Он находил удовольствие в тех коротких мгновениях, когда неспешно приближался, зная, что его уже ждут.

Но сегодня, даже подходя к месту встречи, он не чувствовал привычного присутствия. Это показалось ему странным. И действительно, когда он прибыл, советника там не было.

Подумав, что тот, возможно, задержался по какой-то причине, герцог постоял на месте минут десять, постукивая хвостом по земле. Но советник так и не появился.

Это было время, когда герцог должен был наслаждаться его заботой.

«Как будто было мало того, что ты схватил меня за шкуру, вымыл до последнего волоска и испортил тщательно приглаженную шерсть... теперь ты ещё и нарушаешь мой распорядок?»

Герцог был очень недоволен.

Распорядок должен соблюдаться, и если что-то в него включено, это должно происходить в назначенное время. Герцог должен был встретиться с советником именно в то время, которое он выделил для него.

Так что выбора не было.

Если тот не пришёл, значит, придётся идти за ним самому.

Разумеется, это было вовсе не потому, что герцог беспокоился. Нет, даже несмотря на то, что советник весь день покашливал, и герцог, не желая смотреть на его болезненный вид, отпустил его домой раньше обычного...

Это было исключительно попыткой герцога сохранить свой распорядок, ведь дерзкий советник нарушил их договорённость. Никакого другого значения это не имело.

С таким настроением герцог направился к дому советника.

Хотя причина визита была не самой приятной, добраться до дома советника, куда он уже однажды наведывался, не составило труда.

Рейнке был местом, где все знали друг друга с малых лет и относились к чужим домам почти как к своим. Охрана здесь оставляла желать лучшего, так что и дом советника, как и многие другие, не был заперт.

Герцог без тени сомнения вошёл в дом, находившийся на его территории. Тем более что дверь даже не была заперта. Кот, чей размер в длину превышал метр, встал на задние лапы, опёрся передними и толкнул дверь.

Она легко распахнулась.

Температура в помещении оказалась гораздо ниже, чем ожидалось.

«Этот человек, который так боится холода, даже не включил отопление? О чём он вообще думает?»

Неудивительно, что он всегда такой слабый. Вспоминая, как советник всегда кутался, жалуясь на холод, даже несмотря на то, что весна уже давно наступила, герцог вошёл в дом, не скрывая своего недовольства.

Хотя в доме было несколько запахов, присутствие было только одного человека.

«Если подумать, разве он не упоминал, что все его родственники уехали в составе делегации?»

Значит, этот хрупкий человек оставался в доме один, пока они не вернутся. Подумав, что он принял правильное решение прийти, герцог направился туда, где чувствовал запах советника.

Советник лежал на кровати в своей комнате.

Не имея сил даже снять пальто, советник не смог забраться под одеяло, и вместо этого лежал на нём. Однако, как будто ему всё равно было холодно, он попытался натянуть край одеяла на себя.

Герцог, несмотря на свои внушительные размеры, грациозно забрался на кровать.

Вблизи советник выглядел по-настоящему нездоровым: его дыхание было прерывистым, а лоб покрылся испариной.

Герцог обошёл его кругом, размышляя, как поступить.

«Верно. Сначала надо проверить температуру».

Герцог приблизился и прижал свой нос, чувствительный к температуре, к тонкой шее советника. Он ясно ощутил температуру тела, настолько высокую, что она скорее напоминала кошачью, чем обычную человеческую.

Герцог мало что знал о людях, но кое-что ему было известно наверняка.

Во-первых, если температура человека слишком высокая или слишком низкая — это опасно.

А во-вторых... люди легко умирают. Гораздо, гораздо легче, чем можно подумать.

Герцог посмотрел на лицо советника, вспоминая бесчисленные смерти, свидетелем которых он стал. Особенно суровые зимы последних лет забирала немало людей.

«Советник и смерть...»

Советник скорчился от боли и тяжело дышал.

Если он больше никогда не увидит это бледное лицо, как и многие другие прежде...

Взгляд герцога упал на светлые ресницы советника, слипшиеся, будто от слёз. Увидев это жалкое и потрёпанное состояние, герцог лизнул область вокруг глаз своим языком.

Если этот советник умрёт, это будет совсем не то же самое, что многочисленные человеческие смерти, свидетелем которых он был до сих пор.

«Потому что этот человек — член моей стаи».

Этот человек занял довольно большое место в территории и повседневной жизни герцога. Он был тем, с кем герцог проводил больше всего времени каждый день, и это время было самым приятным.

Если он исчезнет, территория и жизнь герцога потеряют важный компонент и станут неполными.

«Я не могу оставить его в таком состоянии».

Герцог осмотрел своё тело. Сейчас он находился в своей предпочтительной, полной кошачьей форме.

Жить в облике человека было куда более хлопотно, чем в обличье кота. Тем не менее, герцог часто принимал человеческий облик, поскольку он был необходим для защиты его территории.

Поэтому, за исключением тех случаев, когда требовалась именно человеческая форма, он всегда оставался в удобном для себя кошачьем облике.

Но сейчас...

Когда перед ним находился советник, сгорающий от лихорадки, он мало что мог сделать с помощью кошачьих лап.

Секундой позже в комнате стоял уже человек. Герцог даже не обратил внимания на отсутствие одежды — это была мелочь.

Он задумался о том, что делать дальше.

«Что нужно делать, когда у человека жар?»

Перебирая в памяти запахи и звуки, герцог быстро нашёл ответ. Стоны больных, резкий запах лекарств и звук отжатой влажной ткани, протирающей разгорячённое тело, остались в его воспоминаниях.

Людам с жаром давали лекарство и обтирали их тело влажной тканью.

Найти лекарство оказалось несложно. Травы, использовавшиеся в Рейнке для снижения температуры, обладали сильным запахом, который легко находился в любом месте.

Открыв шкаф, откуда доносился этот запах, герцог нашёл завёрнутые в бумагу жаропонижающие пилюли. Взяв несколько, он вернулся к советнику, который всё ещё был без сознания и тяжело дышал.

И тут герцог столкнулся с проблемой, с которой никогда прежде не сталкивался.

Он посмотрел на пилюли в руке.

«Как... как заставить его их принять?»

Будучи рождённым с крепким здоровьем, герцог редко принимал лекарства сам. Естественно, он не имел опыта в том, как давать их другому, тем более человеку в бессознательном состоянии.

Ну...

Разве не достаточно просто положить что-то в рот?

После недолгих размышлений герцог поддержал подбородок советника одной рукой, а большим пальцем другой слегка раздвинул его губы. Внутри было жарко.

Герцог вложил пилюлю глубже в чуть приоткрытый рот.

Однако просто положить внутрь оказалось недостаточно — советник не проглотил её.

Мысленный хвост герцога поник.

Испытывая недоумение, он вновь задумался.

«Теперь, если подумать...»

Людам, которым трудно проглотить пилюли, давали их вместе с водой.

Герцог немедленно принёс стакан воды. Однако заставить бессознательного человека выпить воду оказалось столь же сложно, как и дать ему лекарство.

Привыкший действовать чётко и без лишних раздумий, герцог впервые за долгое время почувствовал растерянность. Как ни посмотри, советник не был в состоянии пить самостоятельно.

«Ухаживать за больным человеком — сплошное беспокойство».

Казалось, что справиться с парой огров было бы куда проще и быстрее.

Герцог с исключительно серьёзным лицом глубоко задумался и наконец придумал способ заставить советника проглотить воду, не проливая её.

Он поднёс стакан к губам, сделал глоток, затем наклонился и запечатал губы советника своими.

Осторожно пропуская воду в горячий рот, он услышал стон и увидел, как советник инстинктивно сглотнул.

Герцог остался доволен.

Будь у него хвост в этот момент, он наверняка бы стоял торчком от гордости.

Обретя уверенность в своём умении ухаживать за больным, герцог приготовил таз с водой и ткань для следующей процедуры, которую вспомнил, а затем ловко снял с советника его одежду. Сняв даже нижнее бельё, промокшее от холодного пота, он тут же принялся осторожно протирать его тело влажной тканью.

Это почти не отличалось от ухода за шерстью, поэтому для герцога, который ежедневно уделял много времени своей собственной чистоплотности, это было так же просто, как съесть ломтик мяса.

Похоже, у него действительно был талант ухаживать за больными.

«Если он снова заболеет, я смогу хорошо о нём позаботиться».

Чувствуя гордость, герцог подумал, что, возможно, не так уж плохо будет привести советника в порядок, когда тот окончательно поправится. Размышляя об этом, он продолжал осторожно вытирать его горячее тело чуть тёплой влажной тканью.

К тому времени, когда полная луна взошла высоко в небе и затем слегка склонилась, тело советника наконец-то обрело нормальную температуру, а его тяжёлое, прерывистое дыхание стало ровным и спокойным.

«Этого достаточно, чтобы он не умер в одиночестве от болезни».

С удовлетворением оглядев его, герцог потянулся.

По его привычному распорядку уже давно следовало отправиться ко сну.

«Пожалуй, пора вернуться и отдохнуть».

Как только он собрался вновь принять свой кошачий облик и уйти...

— Ммм...

Советник слабо зашевелился.

<http://bllate.org/book/12567/1117770>